

The background of the entire page is a painting. It depicts a night scene with a dark, textured sky filled with stars. A large, pale, circular moon hangs in the upper left. Below the sky, there are dark, silhouetted hills or mountains. In the foreground, there is a body of water reflecting the moon and stars. On the right side of the foreground, a small, pale, standing figure is visible, possibly a statue or a person, looking towards the viewer.

Тохтабаева Шайзада

ЭХО

БЕЗМОЛВИЯ

Шайзада Жаппаровна Тохтабаева

Эхо безмолвия

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23788882

Шайзада Тохтабаева. Эхо безмолвия:

ISBN 978-601-275-680-7

Аннотация

Действие повести начинается в XIX в. В Восточный Казахстан приезжает Людвиг Вебер – австрийский путешественник-исследователь тюркской культуры. Здесь у него зародилась любовь к местной девушке Айгуль...

Совпадения некоторых описанных персонажей и событий с реальной жизнью случайны и носят относительный характер.

Содержание

Пролог	4
Прощальная мелодия	13
Бексултан и пери	56
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Шайзада Тохтабаева

Эхо безмолвия

Пролог

Шолпан готовилась к очередной командировке в Чехословакию. Шел 1974 год. В этнографическом музее Праги планировалось проведение выставки декоративно-прикладного искусства казахов. Две недели ушли на то, чтобы подготовить концепцию выставки, написать аннотации, собрать и упаковать в маленький чемодан минимум необходимых вещей. По пути Шолпан заехала на несколько минут в поселок близ Алма-Аты к родителям, чтобы получить благословение согласно казахской традиции на удачу в пути.

– Мама, папа, я заехала ненадолго, попрощаться с вами, меня ждет машина!

– Почему раньше не приехала? Мы ждали тебя. Все-таки едешь далеко, в Чехословакию!

– Шолпан, раз ты едешь в Европу, я приготовил для тебя подарок, – сказал отец. – Надень этот перстень, подойдет ли тебе? Правда, он крупный, – продолжил отец, вытаскивая что-то из кармана.

– Боже, какая старина... Папа, это же антикварная вещь! Да еще с монограммой! – радостно щебетала дочь, надевая

на безымянный палец перстень. – Мне очень нравится! Я всегда буду носить его. Спасибо большое! Но откуда у вас этот перстень?

– Это наследственная родовая реликвия. Вернешься из командировки, тогда расскажу, – ответил отец.

Она поцеловала родителей, взяла со стола три *баурсака*¹ и побежала.

В аэропорт приехали вовремя. Попрощавшись с подругой, Шолпан села в самолет. Рано утром ее встретили в Праге коллеги. Приняв груз с экспонатами, они отвезли Шолпан в этнографический музей для передачи художественных ценностей в отчет главному хранителю. Разместившись в гостинице и пообедав, Шолпан вместе с туристической группой поехала осматривать город. В автобусе рядом с ней оказалась элегантная дама лет пятидесяти. Русскоязычный молодой гид увлекательно рассказывал о Праге, удивительном по обилию зеленого массива и гармонии архитектурных строений города, расположенном на пяти холмах. Современные здания, сочетающиеся с устремленными ввысь башнями в готическом стиле, церквями с величественными куполами, а также роскошные дворцы в стиле барокко придавали городу необычайно живописный вид. Другая бросающаяся в глаза примечательность – обилие золоченых куполов, определила образное название города – Злата Прага.

Следующая неделя прошла в работе над экспозицией. Это

¹ Баурсак – кусочки теста, жаренные в кипящем масле.

была довольно трудоемкая работа. Наконец во вторник состоялось открытие выставки. Народу было много: художники, искусствоведы, сотрудники Академии изобразительных искусств, заинтригованные возможностью увидеть азиатскую экзотику.

Шолпан, немного волнуясь, стала презентовать выставку, стараясь раскрыть многообразие и красочное великолепие прикладного творчества своего народа. Неожиданно среди гостей она увидела ту пожилую даму, которая сидела рядом в туристическом автобусе. Они поприветствовали друг друга улыбкой и кивком головы. Шолпан заметила пристальное внимание с ее стороны. Презентация завершилась аплодисментами. Директор музея и представитель министерства культуры выступили с благодарственной речью. После официальной части зрители продолжали рассматривать экспонаты, восхищаясь искусством кочевого мира. К ней подошла та пожилая дама и поблагодарила:

– Надо же, мы проехали полдня, осматривая Прагу, и не удосужились познакомиться. Спасибо за рассказ, ваше народное искусство удивительно! Сколько в нем цвета, игры орнамента! Позвольте представиться, меня зовут Катрин. Я приехала в Прагу из Вены поработать в Государственном архиве.

– Я, Шолпан Бексултанова. Чем занимаюсь я, вы уже поняли. А какова область ваших интересов? И откуда у вас такой великолепный русский язык? – полюбопытствовала она.

– Дело в том, что моя мать русская, давно эмигрировавшая в Австрию. Я занимаюсь проблемами австрийской генеалогии и работаю в Династическом дворцовом государственном архиве.

– Как давно существует этот архив? – поинтересовалась Шолпан.

– Он основан в 1749 году и является одним из богатейших в Европе. Представьте, ранее этот архив был тайным.

– Это, наверное, очень интересно. Однако почему вы приехали сюда, в Прагу, по вопросу генеалогии австрийцев?

– Вопрос логичный. Дело в том, что некоторые документы или их часть были поспешно вывезены в Чехословакию, буквально перед завоеванием Австрии в марте 1938 г. фашистской Германией. Никто не знал, что и сама Чехословакия будет завоевана фашистами ровно через год. Вот я и приехала искать эти материалы – недостающие сведения по генеалогии некоторых династий.

– Извините за бестактность, – продолжила Катрин. – Меня заинтересовал ваш перстень. Я обратила на него внимание, когда вы демонстрировали экспонаты. Мне кажется, на нем интересная монограмма. Можно мне посмотреть вблизи?

– Пожалуйста, – ответила Шолпан, сняв с пальца перстень.

– Мне знаком этот вензель. Я, правда, на сто процентов не уверена, но нужно проверить. Вы знаете, я даже волнуюсь. Откуда он у вас? – спросила Катрин.

– Это наша родовая реликвия, так сказал мне отец. Буквально перед отъездом он мне его подарил.

– Можно выяснить. Мне, как специалисту по генеалогии, это очень интересно. Если хотите узнать, откуда в вашей семье оказался этот перстень, давайте вместе сходим в архив.

– С удовольствием, конечно, мне очень любопытно выявить историю нашего семейного антиквариата.

– В каком отеле вы остановились? – любопытствовала Катрин.

– Отель «Прага», – коротко ответила Шолпан.

– Я найду за вами в отель завтра в 9 часов утра и отвезу вас в архив. Он находится недалеко от вашей гостиницы.

– Договорились! Я буду вам признательна. Если мы что-то узнаем о перстне, это будет большим сюрпризом для моего отца.

На следующий день женщины оправились в архив, где им предоставили материалы. Работу они разделили: Катрин просматривала опубликованный каталог фамильных монограмм, а Шолпан изучала архив опубликованных на немецком языке записок путешественников XIX века, побывавших в Казахстане. Такие личности были. Шолпан, пролистывая тексты, искала свидетельства того, что кто-то из европейцев был в Восточном Казахстане, на родине ее отца. «Хорошо, что я знаю английский, немецкий и сносно арабский языки», – подумала она.

Пока результатов не было, и работу решили продолжить

после обеда, во время которого женщины обменялись впечатлениями о Праге. Вскоре продолжили работу. Шолпан, листая очередные записки, бегло вчитывалась в строки. В это время к ним подошла сотрудница архива и подала две старинные книги, обронив: «Посмотрите эти издания, там есть иллюстрации».

Шолпан взглянула на обложки и слегка заволновалась. Одна книга представляла собой каталог собранных путешественником коллекций художественных и этнографических артефактов казахов. В другой книге были представлены черно-белые фотографии юрт и людей, которые она стала просматривать с особенным вниманием.

Вдруг от неожиданности Шолпан замерла. На одной из иллюстраций была девушка в национальном костюме. Судя по надписи, ее звали Айгуль.

– Катрин, посмотрите, что я нашла! – с волнением воскликнула девушка.

– Удивительно! Вы же, ее копия! Минуточку, давайте посмотрим, кто автор этих снимков и записок, – сказала Катрин, начав с воодушевлением читать: – «Людвиг Вебер – австрийский путешественник, побывавший в 1867 г. в Восточном Казахстане». Наконец-то, мы попали в цель! Имя мы знаем, теперь не проблема установить подлинность монограммы, – радостно произнесла Катрин.

По алфавиту она уже легко нашла фамильный вензель династии Людвига Вебера. У Шолпан от чрезмерного волне-

ния так затряслись руки, что она не сразу смогла снять перстень. Когда сличили монограммы, обе женщины одновременно воскликнули: «Эврика!».

Шолпан продолжила разглядывать черно-белые фотографии и среди них, наконец, нашла несколько снимков самого Людвига Вебера – высокого стройного молодого человека приятной наружности. Имелись также акварели, среди которых был цветной портрет этого путешественника с большими необыкновенно синими глазами.

Далее женщины уже вместе стали вчитываться в текст, чтобы понять, как же перстень попал в далекие степи. Однако об этом узнать ничего не удалось, все растворилось во времени.

Катрин сфотографировала перстень, записала все данные своей новой знакомой, сведения об ее отце, сказав, что ей это нужно для написания и публикации статьи.

Шолпан сняла копию фотографий и вензеля, чтобы показать своему отцу. Женщины обменялись телефонами, адресами для связи на будущее.

Через три дня Шолпан, прощаясь с Катрин, сказала: «Не думала, что в Европе я найду такое, что станет загадкой для нашей семьи. Когда я все разузнаю у отца, напишу вам обязательно. Спасибо вам большое и всего наилучшего! До свидания!»

Сидя в самолете, она вспоминала Катрин, загадочные для семьи материалы и Злату Прагу. Прибыв в Алма-Ату, Шол-

пан тут же поехала к родителям. Дома был лишь отец, мать, оказывается, уехала в Караганду на похороны своей старшей сестры. Дочь показала отцу фотографии из Чехословакии. Отец пришел в смятение, когда увидел фотографию Айгуль, поражавшей удивительным сходством с Шолпан. Затем он, мимолетно взглянув на портрет путешественника, отложил снимок в сторону. Дочь с любопытством смотрела на отца, пытаясь угадать его эмоциональное состояние. Однако он был сдержан.

Вдруг отец ни с того, ни с сего сказал, что устал и хочет отдохнуть. Шолпан предложила: «Папа, я на весь день приехала, поспите, а я приготовлю что-нибудь вкусненькое». Через три часа она заглянула в комнату отца. Он, оказывается, не спал. Все это время отец в раздумье разглядывал снимки Людвиг Вебера и Айгуль. Что было странно, щеки старика стали красными.

– Папа, да у вас температура! Давайте измерю.

Через 10 минут дочь посмотрела на градусник: температура была в норме.

– Пойдемте к столу. Я приготовила ваше любимое блюдо – котлеты с картошкой в сметанном соусе.

После обеда отец, увидев вопросительные глаза Шолпан, начал:

– Я и подумать не мог, что история, которую рассказала мне моя мать Катипа, правдива! Всегда считал, что это вымысел, каких немало в устных семейных преданиях.

– Какая история? О чем это вы, папа? Вы говорите о перстне и о том, как он попал к вам?

– Дело не только в перстне.

– Почему же вы столько лет молчали и не рассказывали эту историю? – спросила Шолпан.

– Доченька, в этой истории есть неприятные стороны, о чем вам, детям, лучше не знать.

– Папа, прошу вас, откройте мне эту тайну.

– Ладно, когда ты услышишь эту историю, ты многое поймешь.

– Папа, я готова слушать вас весь день. Рассказывайте!

Шолпан взяла тетрадь, чтобы записывать все услышанное, а отец удобно расположился в кресле и начал свое долгое повествование, дополненное впоследствии дочерью.

Прощальная мелодия

Это был 1867 год. Людвиг, неженатый молодой человек лет 30, уроженец Вены, был высокообразованным мужчиной с прекрасными манерами, на привлекательном лице которого выделялись большие синие глаза. Высокий, стройный, он обладал хорошим здоровьем, физической силой, любознательностью и добродушным характером. У него было наследство, чтобы жить безбедно, поэтому он имел возможность заниматься тем, чем хочет. Обладая поэтическим даром, он писал стихи, но более всего любил музицировать, исполняя произведения в основном композиторов романтического направления.

На фоне роста капитализма в Европе, когда многие люди спешили занять свое место в социально-экономической структуре, формируя промышленную буржуазию, в каждой стране находился, как и в наши дни, небольшой процент личностей с иным мировоззрением и интересами. В это меньшинство входил и Людвиг. Он являлся членом Историко-филологического семинара при Венском университете, который в дальнейшем преобразовался в Исторический институт. На интерес Людвиг к тюркской культуре во многом повлиял известный востоковед, Й. Хаммер-Пургшталь – первый президент Австрийской академии наук.

Будучи тюркологом и владея арабским языком, Людвиг

прочитал много книг об истории азиатских народов и проникся на профессиональном уровне интересом к этнографии и культуре изучаемых этносов. Ранее он побывал в Бухаре, Самарканде, а также на Иссык-Куле, после чего его одержимость азиатской экзотикой только усилилась. Делясь, с коллегами в Вене, своими впечатлениями о Средней Азии, он рассказывал, что на приемах видел залы дворцов, устланные европейскими коврами, тогда как в Европе престижным считалось обладать восточными. «Видимо, страсть к экзотике свойственна многим людям», – с улыбкой заключил Людвиг.

Ему захотелось более глубоко познать культуру казахского народа. Людвиг договорился, что примкнет к отряду русского генерала М. Карпова, целью которого в 1867 году было налаживание новых торговых путей сообщений, по которым могли бы поставляться в Россию различные товары, в том числе продукция художественных ремесел и промыслов Туркестана. Маршрут отряда проходил через восточные области казахских степей, что и определило выбор Людвиг. После сбора материала он намеревался написать большой труд. Для более тщательного изучения языка и особенностей характера казахов Людвиг несколько месяцев пробыл в Оренбурге, где получил хорошие рекомендации от некоторых султанов.

Когда отряд, наконец, прибыл на лошадях на летнюю кочевку жайляу, находившуюся на равнине, там расположилось целое родовое объединение из тридцати аулов и семи-

сот юрт. Такое возможно лишь в летний период, когда было обилие молодой сочной травы. Тогда как в осенний сезон аулы, наоборот, рассредоточивались из-за ее недостатка. Детвора аула с любопытством разглядывала гостей. Впервые они видели европейцев: русоволосых, высоких и худощавых, а один из них был с большими синими глазами. Это был Людвиг Вебер.

Так получилось, что путники приехали на второй день свадебного пира *той*².

У богатых свадьба обычно продолжалась несколько дней. Им сообщили, что глава одного из казахских родов – *бай*³ Камбар третий раз поднял *шаңырақ*⁴, т. е. взял третью жену – молодую красавицу Алтынай. Такое совпадение, когда гости неожиданно попадали на пир, расценивалось в традиционном сознании казахов как наличие хороших помыслов и намерений у визитеров.

Камбар слыл справедливым, но строгим главой рода. При нем все было благополучно: вовремя кочевали, занимая места возле водоемов для весенних, летних и осенних стоянок. У него были сыновья и дочери от первых браков, но он женился на третьей, Алтынай, внезапно вспыхнув страстью к девушке, которую случайно увидел, будучи в гостях в одном

² Той – праздничный пир.

³ Бай – богач.

⁴ Шаңырақ – открывающийся кольцевидный купольный свод каркаса юрты, служащий одновременно дымоходом.

из аулов.

В знак уважения Камбар вышел из белой просторной высокой юрты встречать гостей. Это был довольно высокий мужчина приятной наружности в роскошной праздничной одежде. Золотистые детали его наряда так эффектно отражали солнечные блики, что вызвали у впечатлительного Людвига эмоциональный шок. Он обратил внимание на роскошный фиолетовый халат – шапан с золотой вышивкой по бортам, что был надет на Камбаре. На голове Камбара был войлочный колпак с высокой тульей и разрезными широкими полями, также богато обшитый золотой нитью. Был на нем и широкий пояс, декорированный крупными серебряными, с позолотой бляхами. Слева висела сабля в красивых ножнах. Он поздоровался со всеми, подавая обе руки с традиционными приветственными словами: «Мир вам! Добро пожаловать!», те ответили: «И вам мир!»

Гостей пригласили войти в помещение, деликатно контролируя, чтобы они входили с левой стороны от входа и присаживались на правую, «мужскую» сторону от главного почетного места – *төр*⁵. Перед этим мужчинам ненавязчиво предлагали снять холодное оружие, которое было развешено на этой же стороне на зазубрины стенок юрты. В юрту бая собралось также много его родственников. Юноша с полотенцем через плечо и кумганом с теплой водой дал возможность

⁵ Төр – почетное место напротив входа в юрту, обозначенное эффектною декоративного оформления.

всем гостям помыть руки, за что они выражали ему благопожелания. После стандартных фраз перешли к неспешной беседе, в чем помогал переводчик. Гостей потчевали кумысом, отварным мясом, которые подавали юноши. Европейцы, глядя на хозяев, пищу брали только правой рукой. Людвиг, хорошо владевший казахским языком, от имени всех визитеров выразил пожелания: «Желаем, чтобы купол юрты становился все выше, а стены просторнее (Шаңырақ биік болсын, кереге кең болсын)», что является образным выражением социально-имущественного роста и рождения многочисленного здорового потомства. Далее он добавил: «Да будет прочен ваш порог (босағаңыз берік болсын)», т. е. пусть будет благополучие в вашем доме. Когда поели мясо, генерал Карпов выразил благодарность и благословение дому. Мясные блюда сменились сладкими деликатесами, приготовленными в домашних условиях.

Наконец, появилась молодая жена Алтынай, все это время она сидела за тростниковой загородкой слева от входа в юрту. На ней было красное платье с длинными рукавами, камзол и красный платок, закрывавший верхнюю часть лица. Она с опущенными глазами стала подавать гостям чай правой рукой, поддерживаемой у локтя левой. Гости выражали ей благодарность и дарили преимущественно деньги.

Беседа продолжалась, а Людвиг стал незаметно рассматривать убранство⁶ юрты. Все, включая гостей, сидели со

⁶ Купол юрты был декорирован пересекающимися ткаными орнаментальными

скрещенными на восточный манер ногами на нарядных мозаичных войлочных коврах и могли опираться на подушки, которые были в изобилии. После трапезы младший брат бая Бахыт, слывший также яркой личностью благодаря своей приятной наружности, ораторскому мастерству, а также личным благородным качествам, развлекал гостей превосходной игрой на домбре⁷. Все были тронуты достойным приемом, почтением и уважением, проявленным к ним. В продолжение свадьбы и для того, чтобы развлечь приезжих, в ауле устроили музыкально-поэтические состязания *айтыс*, пешую борьбу *күрес*, а также спортивные игры, в том числе *күміс алу*, когда всадник прямо на полном скаку должен был с земли поднять серебряную монету, что демонстрировало лихость и ловкость наездника.

Вечером разожгли костер, а рядом соорудили из деревянных шестов качели *алты-бақан* для поющей молодежи, наполнившей всю окрестность мелодичными песнями.

К генералу Карпову многие состоятельные казахи приходили с подарками – халатами, коврами, подарили даже степного орла. Остальным членам экспедиции преподносились, по традиции, распашные халаты – шапан.

полосами разной ширины, а также подвесными разноцветными кистями. Стены были убраны красочными войлочными, ткаными, вышитыми коврами, согласующимися по орнаментально-цветовым особенностям. Нижняя половина стен декорировалась фризowymi коврами. Полы напоминали цветочное поле благодаря узорным войлочным коврам и цветным тканым паласам.

⁷ Домбыра – казахский струнно-щипковый музыкальный инструмент.

Через пару дней гости, поблагодарив хозяев, решили двигаться на юг, в Ташкент. Остался только один из них – Людвиг. У него были планы пробыть здесь в течение теплого сезона, после чего он должен был примкнуть к возвращающемуся экспедиционному отряду и уехать к себе на родину.

Попрощавшись с членами экспедиции, Людвиг удалился в гостевую юрту, убранную красивыми коврами и оснащенную всем необходимым: деревянной кроватью, инкрустированной резной костью на казахский манер, железным шестом – вешалкой для одежды и необходимой посудой. По распоряжению бая за ним ухаживала пожилая работница Салима, которая готовила ему еду и стирала его белье. Несмотря на то, что был май, уже стояла сильная жара, поэтому он просил работницу периодически поднимать нижнюю часть войлока. В юрте становилось настолько прохладно и свежо, что Людвиг каждый раз про себя отмечал изобретательность казахского народа, соединивший свой дом и природу в единое целое. Невольно он вспоминал слова персидского историка XVI в. Фазлаллаха Рузбихана: «Дома их (казахов), сделанные из деревьев, возвышаются ввысь, подобно дворцам, и по просторности своей подобны миру...».

Людвиг предусмотрительно запасся различными подарками. Главе рода Камбару он подарил красивую роговую трубку в серебряной оправе для курения табака, старшей жене преподнес серебряную сахарницу. Младшему брату Бахыту вручил серебряную табакерку. Остальные мелкие подарки –

зеркала, гребни, бусы, наперстки и другую мелочь он вручал аульным в качестве благодарности за предоставленную информацию. Это было весьма разумным ходом. Все к нему были хорошо настроены, не боялись и относились с пониманием к его работе. Более того, Камбар предупредил аульных, чтобы никто не препятствовал его делу.

Людвиг начал с изучения аула. Позади юрт, расположенных полукругом, были расположены хозяйственные юрты без купольного свода. Дальше на расстоянии были сооружены загоны для ночлега овец. Там же доили скот, и содержался на привязи молодняк. Овец на пастбище выгоняли рано утром, а лошади паслись ночью. Весь скот нужно было ежедневно в два приема поить в озере, вокруг которого рос камыш.

Вдалеке виднелся холм, а напротив него – каменная скульптура балбал тюркского времени с изображением воина. Люди говорили, что он охраняет от врагов покой живых. Это и другое, что представляло интерес, Людвиг записывал и зарисовывал в тетради. Вскоре все жители аула привыкли к нему, и никто не обращал на него внимания. Даже девушки перестали прятаться. Многие старались ему помочь, приглашая в гости, когда проводились различные традиционные обряды. Людвигу удалось многое зафиксировать, в том числе слова нескольких песен, пословицы, местные притчи и легенды, а также народные сказки.

Он описывал и хозяйственные дела, национальные игры,

а также любые, представляющиеся необычными жизненные проявления и события. Под его перо попала также комичная судьба Садвакаса, завидев которого женщины давились от смеха, а Людвиг не мог понять, в чем дело. Это был статный высокий мужчина с миловидным лицом. Он имел довольно много лошадей и баранов. Было у него четверо детей от старшей жены *байбіше* и младшей *тоқал*, что также являлось нормой для тех времен.

Мужчина, как позже понял Людвиг, был примечателен своеобразным характером. Садвакас был не только мягкий, но и жалостливый, всем сочувствующий. Ему не хватало мужской воли, решительности. Казалось бы, что в этом плохого? Жены должны были вместе сопровождать его в гости, на свадьбы, похороны и т. д. В этом-то и был весь фокус. Они, то есть жены, ненавидели друг друга и жили в разных, хотя и близлежащих аулах. Нестандартность ситуации была в том, что Садвакас не имел над ними никакой власти. Не мог он поставить на место их, вечно враждующих жен, высказать им суровые слова, дать приказ. Это привело к неправильному, в глазах окружающих, поведению. Вместо того чтобы самому выбирать, к какой жене навеститься, он попадал под влияние то одной, то другой. Весь комизм заключался в том, что им завладевала на месяцы то одна, то другая жена. В результате чего страдали дети, надолго лишённые общения с отцом. Но еще более экзотичным являлась форма захвата любимого мужа. Жены по очереди подкарауливали его в

темноте, когда Садвакас поздним вечером выходил из юрты. В этот момент поцелуями и ласками совершался захват законного мужа, которого женщина уводила к себе и уже не выпускала долгое время. Этот плен продолжался до тех пор, пока она не устанет и не ослабнет ее бдительность. Затем приходила очередь другой жены подкарауливать Садвакаса. К такой практике они пришли сами из ревности и ненависти друг к другу. Многоженцы, указывая на них, как на отрицательный пример, говорили своим благоверным: «Вот что бывает, когда жены недружны меж собой! Садвакас стал пошлостью для нас!»

Как-то молодежь вновь собралась у костра, и раздалось пение, то хоровое, то сольное. Девушки в своей традиционной одежде выглядели очень живописно⁸. Серебряные украшения, отражая лунный свет, придавали облику девушек особую загадочность. Наблюдая за ними, Людвиг мысленно сравнивал их с цветами. Пользуясь светом от костра, он постарался все это запечатлеть в своих рисунках.

Вскоре он обратил внимание на веселую девушку-певунью с высоким звонким голосом и поразился его чистоте.

⁸ У всех девушек были длинные косы с серебряными подвесками. На голове – цилиндрическая шапочка – тюбетейка, вся украшенная серебряными бляхами и султанчиком из нежных перьев филина. Поверх белого платья с оборками была надета безрукавка, подчеркивавшая тонкую талию. Ноги обуты в кожаные туфли, декорированные серебряными бляхами. Кроме этого, на девушках был весь комплект драгоценных ювелирных изделий, включая серьги, ожерелье, браслеты и перстни.

Слух у нее был идеальный. Людвиг стал записывать слова ее песен, часто поглядывая на нее с восхищением. Айгуль заметила это, но нисколько не смутилась, поскольку она была бойкой и независимой. С другой стороны, она давно хотела подружиться с Людвигом. Закончив петь, она подошла к нему поближе и спросила: «Что вы записывали?»

– Слова вашей замечательной песни, – ответил он, разглядывая ее с неподдельным интересом. У нее была высокая шея и лицо красивого абриса. «Лунолика!» – подумал Людвиг. Отметил он и милый, приятный, на его взгляд, слегка курносый носик.

– Как называется песня, которую вы только что исполнили?

– «Ақ тамақ», что означает «Белая шея». Это народная песня о любви к девушке.

– В ней столько энергии и страсти! – с восторгом сказал Людвиг.

– Да, это так, вы правы. Все любят эту песню. Я слышала, что вы собираетесь написать книгу. Неужели мы, казахи, интересуем другие народы?

– Еще как! – ответил Людвиг.

– В таком случае и мне тоже хотелось бы узнать о вашем народе. Вы расскажете мне о вашей стране?

– С удовольствием! – ответил Людвиг, поражаясь ее уму и любознательности.

– Тогда я приду к вам завтра, договорились?

– Буду ждать с нетерпением!

На следующий день Людвиг и Айгуль общались у всех на виду, и на это никто не обращал внимания. Все были заняты обсуждением прошедшей свадьбы и красоты Алтынай. Так прошло несколько недель, и постепенно Айгуль стала своеобразным ассистентом Людвига; она отвечала на возникающие вопросы, поясняла ему какие-то непонятные нюансы. Айгуль сразу поняла, что при общении с ним ей не нужно проявлять согласно казахскому этикету вечную сдержанность во взгляде, словах, мимике. С ним она была свободна и естественна, могла даже проявлять чувство юмора.

Людвиг, невольно мысленно сравнивая Айгуль со светскими дамами, восхищался ее непосредственностью. Он часто отмечал подвижность и любознательность ее ума, особую озаренность и силу духа. Он много рассказывал ей об Австрии, а теперь уже с 1867 г. Австро-Венгрии, о городах, театре, музыке, напевая популярные классические мелодии. Они сдружились и были интересны друг другу. Айгуль пленяла его образованность и утонченность манер, романтичность помыслов, ей было приятно, что он так живо интересуется ее народом. Про себя она отмечала: «Какой же у него громадный мир, и как все это помещается в его мыслях!» Спустя некоторое время она стала гордиться дружбой с ним.

Людвиг был очарован ее молодостью, живым искрящимся взглядом дивно удлинённых черных глаз, природным румянцем. Белая кожа ее лица словно светилась изнутри. От-

метил он и ее удивительную естественную грацию движений, походки. Он мысленно сравнивал ее со степной ланью. Она была настолько цельной и гармоничной натурой, что глядя на нее, он думал: «Как она слита с природой! От нее веет свежестью степного воздуха, запахом летней травы...»

Родители Айгуль, зная благоразумие дочери, смотрели на общение с иностранцем спокойно. В то время на общение с гостем издалека, да еще с ученым исследователем, смотрели как на возможность образования. Отец позаботился в свое время, чтобы Айгуль наравне с мальчиками обучилась грамоте у местного муллы, поскольку он, как и другие казахи, стремящиеся к просвещению, знания соотносил с понятием бесконечности. Людвиг не рассматривался как потенциальный жених, поэтому общение с ним ничему не угрожало. Тогда как обычно родители присматривали за отношениями своих дочерей и казахских парней из другого рода, которые периодически приезжали на праздники. Кроме этого, отец Айгуль – Ахмет не страдал излишней приверженностью к старым ортодоксальным традициям. Он всегда приветствовал новшества, если они были разумны и перспективны.

У родителей, помимо семнадцатилетней Айгуль, были еще две младшие дочери – Жибек и Корлан. Не имея сыновей, отец, хоть и страдал внутренне, тем не менее, ценил и любил дочерей. Айгуль, как старшая дочь пользовалась уважением не только собственных родителей, но и других родственников. Она была бойкой и не по годам рассудительной,

присматривала за сестренками, давала дельные советы родителям. «Такую никто не сможет обидеть!» – был уверен отец. Хотя ей давно было пора замуж, отец, не желая с ней расстаться, все оттягивал это событие. Он знал, что любой захочет взять в себе в жены его дочь, но ее сердце ни к кому еще не открылось. По тем временам это было редкой ситуацией: девушка в 17 лет оставалась еще девицей.

Однажды вечером Айгуль пришла к Людвигу и сказала, что ее попросили привести его в одну из семей. В вечернее время в казахской юрте, освещенной рассеянным светом заходящего солнца, проникавшим через купольный дымоход, царит особенная атмосфера. Узоры, пронизывающие все предметное окружение в юрте, теряют четкие очертания, они слегка вибрируют, становятся зыбкими, меняющимися, напоминая мираж. Такая обстановка, оказывая легкое воздействие на психику человека, вызывает ощущение некой ирреальности происходящего.

Когда они вошли в юрту, Людвиг, оказавшись в такой обстановке, сразу же ощутил легкое головокружение. Он стал разглядывать узорчатое убранство почетного места, расположенного прямо напротив входа.

«Айгуль!» – позвала женщина с правой стороны помещения. Людвиг повернул голову и остолбенел от увиденного. Одна из старух вытаскивала запеленатого грудного ребенка из пасти волка, лежащего на сундуке. Эта сцена привела его в такой ужас, что все это незамедлительно сказалось на его

лице. Подойдя поближе, он увидел, что это было чучело.

Девушка, выслушав пояснения старух, внятно ему объяснила, что таким образом, то есть имитацией рождения ребенка от волчицы – тотема тюрков, причем из пасти, казахи стараются обезопасить ребенка, слабого здоровьем.

Старуха пояснила: «Нам нужно было присутствие человека, который бы сильно поразился! Мы получили, что хотели. Своим удивлением этот европеец сглазил саму болезнь и уничтожил ее. Теперь ребенок поправится и будет, слава Аллаху, жить!»

– Айгуль, попроси, чтобы он разрешил отрезать немного его волос для амулета младенцу. Знаешь, волосы чужеземца, да еще светлого, будут сильной защитой для малыша! – попросила одна из старух.

Людвиг согласился с уговором, что отрезать ему волосы будет Айгуль, к которой он привык и которой доверял. Когда девушка, смеясь, отрезала ему волосы, она непроизвольно коснулась рукой его головы, отчего по всему телу Людвига будто пробежал сильный ток. Он понял, что влюбился в нее. Однако выказывать свои чувства никоим образом было нельзя, чтобы не напугать девушку и не потерять ее из виду.

С этой минуты Людвиг, все больше и больше думая о ней, стал пребывать в несколько заторможенном состоянии даже в ее присутствии. Айгуль не могла понять, в чем дело, и что послужило причиной его некоторой настороженности. В таком настрое он пробыл долгое время, продолжая запи-

сывать в тетрадь все то, что привлекало его внимание. Ему удалось сделать снимки природы, юрт и даже людей, которые поначалу не соглашались позировать из-за суеверных страхов лишиться жизни. Людвиг сделал два снимка также с Айгуль, чему она была внутренне благодарна, и в ответ решила сделать ему подарок со словами: «Вы дали часть своих волос для амулета, теперь я хочу подарить вам талисман-оберег. Он будет вас защищать от всего дурного и одновременно приносить добро. Смотрите, я сама сшила треугольный мешочек из красной ткани, вложила туда овечью, верблюжью шерсть, волосы из гривы лошади для защиты. Пришью также десять пуговиц, которые обеспечат вам 10 детей!»

– Айгуль, мне не нужно 10 детей! – засмеялся Людвиг.

– У нас, казахов, ценится, когда детей много! Но если у вашего народа так не принято, тогда я пришью пять пуговиц.

– Айгуль, мне достаточно двоих здоровых детей.

– Как хотите, – сказала девушка, пришив две белые пуговицы. Затем она зашила амулет и надела на шею Людвигу.

– Большое спасибо! – поблагодарил он, чувствуя, как по телу разливается тепло от прикосновения ее рук.

Людвиг стал осознавать, что рядом с ней никогда не было уныния, тоски, грусти, плохого настроения. Ее особая жизнерадостная энергетика пронизывала все вокруг, наполняла особым смыслом каждую минуту. Тогда как на него иногда находила меланхолия. С ней и только с ней он остро ощущал радость бытия, пульс жизни. Он думал: «Как она прекрас-

на!»

Прошел месяц, и настало время перекочевывать на новое пастбище. Рано утром, в 4 часа, Людвиг разбудила работница: «*Мырза*⁹, вставайте, нам нужно разобрать юрту для перекочевки».

Ему пришлось быстро упаковать свои вещи. Выпив чаю, он стал наблюдать, как женщины быстро и ловко за один час разобрали юрту и навьючили ее деревянный решетчатый остов, а также весь домашний скарб на верблюдов и коней. Поверх поклажи привязывали ящик, куда усаживали детей и старух. Людвиг заметил, что каждая хозяйка стремилась украсить свою поклажу с помощью разноцветных лент, бубенцов. Обратил он также внимание на то, что впереди семейного каравана вели купольный круглый свод *шанрак*.

Он хотел было принять участие в чем-либо, но они со смехом отказались от его помощи. Одновременно вдали разожгли два костра, между которыми прогоняли скот, как ему объяснили, для устранения болезней и нечисти. Не трогали лишь лошадей, считавшихся чистыми. Затем стали окуривать дымом старое место стоянки, чтобы очистить его.

Впереди всего каравана поехала на гнедой лошади дочь бая Камбара – красавица Айсулу с родовым знаменем в руках. Голова ее лошади была увенчана султанчиком из перьев филина от сглаза. Во время передвижения нарядно оформленный караван, пение и смех празднично одетых девушек

⁹ Мырза – господин.

и юношей производили впечатлениедвигающегося звенящего красочного змея. Мужчины с ружьями, охраняя караван, ехали по бокам и впереди. Сзади шел скот.

Пройдя несколько верст и найдя источник, караван остановился, и люди начали обустраивать новый аул. Первоначально установили в центре выбранного места высокую, просторную, из 12 решетчатых секций *канат*, белую юрту первой жены – *байбише* бая Камбара¹⁰. Делалась вся эта работа женщинами настолько ловко, слаженно и быстро, что Людвиг приходилось только изумляться такой организованности. Рядом поставили юрты чуть поменьше, второй и третьей жены. Поодаль установили небольшую темно-серую юрту-кухню, а дальше на расстоянии – темно-коричневые юрты для бедных семей.

Через два часа закончилась сборка всех юрт, и женщины уже в огромном казане варили баранину. Когда прибыл весь скот, на новой стоянке все было уже готово. Вечером разожгли костер, молодежь пела песни, и среди них была Айгуль, за которой издали наблюдал усталый от переезда Людвиг, не решаясь подойти.

В один из прохладных дней бай Камбар со своими приближенными и гончими ускакал на несколько дней на охоту – любимое его развлечение. В это время жизнь в ауле шла

¹⁰ Во время сборки – тігу юрты мужчина, сидя на лошади, поддерживал деревянной подпоркой – бақан купольный свод – шанрак, в углубления обода которого женщины острием вставляли изогнутые купольные жерди, связывая их с решетчатыми стенками. Двухстворчатые двери были направлены на восток.

своим чередом, женщины с утра до вечера занимались бесконечными домашними делами. Как обычно, Людвиг прогуливался между юртами, надеясь встретить Айгуль. Вдруг он увидел всадника, раскачивающегося из стороны в стороны с возгласом: «Бауырым-ай!», который скакал прямо к жилищу бая. Он на скаку саблей пытался разрубить косяк, решетчатые стены юрты, сопровождая свои экстремальные действия истошным криком: «Бауырым-ай!»

Людвиг поразился такому грубому нарушению этикета. Весь народ в тревоге сбежался к юрте бая. Через несколько минут в аул вошли понурые и молчаливые мужчины; они привезли на коне тело Камбара. Оказывается, на охоте он случайно упал с коня и, повредив шейный позвонок, тут же ушел в небытие. Тело Камбара положили на правую почетную сторону юрты первой жены – байбише и накрыли белой тканью¹¹. Аул охватил хаос. Поднялся такой вой, и мужской, и женский, что весь аул стал восприниматься одним громким траурным плачем. Люди стали говорить, что новое место, вероятно, не было окурено в прошлом году и оказалось несчастливым. Тогда как вторая жена покойного нашептывала старшей жене байбише, что младшая Алтынай, вероятно, будучи невестой, вошла в юрту не правой, а левой ногой и что она, уже успев забеременеть, скорее всего, спала много и не заметила, что погас ее очаг. На это байбише ответила:

¹¹ При этом из юрты быстро вынесли все съестное. Яркие ковры и покрывала поменяли на темные, произвели некоторую небрежность в убранстве интерьера.

«Это серьезное обвинение! Если ты говоришь правду, то ее следует наказать, поскольку такие проступки могли повлечь смерть нашего мужа. Однако если это навет, то обвинять будем за клевету тебя! Подумай над этим!» Та стала сразу же отказываться от своих слов, говоря, что, возможно, ей все это показалось.

Младший брат бая Бахыт послал гонцов с траурной вестью во все концы и дал распоряжение установить траурные символы¹². Самый старший по возрасту аксакал со словами: «Стал ты траурным конем» (түл қалдың) коротко обрезал коню Камбара и двум другим лошадям хвосты, а гривы, челки, связал на макушке в пучок.

– Этих коней отметили, придав им необычный внешний вид, они теперь посвящены усопшему, – пояснила подошедшая к Людвигу Айгуль. – Теперь они будут свободно пастись, и их никто не тронет до годовщины, когда их забьют на поминальную трапезу.

Он был благодарен ей, что она оказалась рядом. Его, несмотря на страшные события, сразу же охватило чувство покоя и уверенности. Он подумал: «Даже в такой тяжелый момент рядом с ней я чувствую себя уютно!»

Бахыт велел установить несколько юрт для участников погребения, что должны были прибыть через день. Последняя

¹² В случае смерти мужчины в юрте с правой стороны от входа устанавливали длинное копьё, острием выходящее наружу, к которому привязывали черный флаг, что оповещало о смерти мужчины среднего возраста. К косяку двери привязывали за удила коня покойного и в придачу еще две лошади.

ночевка покойного сопровождалась непрерывным плачем трех жен. Облачившись в старую одежду неярких тонов, они распустили свои волосы, сняли с себя все ювелирные украшения. Как только кто-то входил в помещение, они вновь и вновь во всеуслышание рыдали и царапали свое лицо.

На следующий день после обмывания тело обернули в белую ткань, затем в белый войлок. Жены стали обводить вокруг головы покойника съестное, кое-что из домашней утвари со словами: «Не оглядывайся назад! Пусть твое счастье останется дома! Пусть твои дети останутся здоровыми!» Глядя на это, Людвиг вопросительно посмотрел на Айгуль. Она шепотом пояснила: «Этот обычай исполняется, чтобы обеспечить достаток усопшему в ином мире и его семье».

«Все понимает и так толково объясняет!» – с удовлетворением отметил он. Далее мулла стал читать молитву. Принесли веревку, соединяя усопшего с его конем, который символично принимал на себя грехи, если были у покойника. После завершения молитвы под пронзительный плач жен и женщин аула мужчины увезли тело на родовое кладбище. У изголовья могилы Камбара воткнули копье.

После погребения устроили поминальную трапезу. Народу приехало много из разных родов. Каждый стремился привезти как можно больше кумыса в больших кожаных емкостях *мес*. На следующее утро, в день отъезда, мужчинам, обмывавшим тело, а также тем, кто укладывал усопшего в могилу, и другим раздали одежду усопшего, кроме свадеб-

но-парадной. Женщинам раздали отрезки тканей.

Постельные принадлежности, ковры и прочее, соприкасавшееся с Камбаром, расстелили на куполе юрт, оставив на три ночи. Айгуль пояснила: «Все эти вещи должен обдуть ветер, увидеть и очистить – звезды (жел кагады, жүлдыз көреді), после чего они считаются чистыми».

Все это время три жены Камбара громко рыдали. Вторая жена особенно ревностно следила за младшей женой Алтынай и говорила: «Это ты виновата, ты принесла несчастье в дом нашего горячо любимого Камбара! Ты обязана сильнее выражать боль от утраты. Сильнее царапай свое лицо!» У красавицы Алтынай на лице уже было несколько царапин, но вторая жена настаивала говоря: «Раз ты была любимой женой, ты и должна больше всех горевать!»

На самом же деле она специально заставляла Алтынай уродовать себя, тем самым ослабляя чары красивой и молодой соперницы, заранее ревнуя ее к младшему брату Бахыту, который по обычаю левират амангерлік, согласно степному закону, обязан был после траура жениться на вдовах своего брата. Глядя на такую хитрость второй жены, байбише отчитала ее со словами: «Довольно разводить интриги! Что ты к ней пристала!» Бахыт тоже отозвал к себе Алтынай и сказал: «Ты уже сполна выразила свое горе, я верю в твое отчаяние, но я прошу, точнее, приказываю, не порть своего лица более. Ты поняла?»

– Да, – ответила Алтынай, не поднимая глаз.

Бахыт, посоветовавшись с аксакалами, решил задержать-ся на этом месте, чтобы провести сорокадневные поминки по брату, а потом уже переезжать на новое пастбище.

Прошло некоторое время, а, точнее, двадцать дней после похорон, и все это время жены ежедневно, открыв на ночь двери, справа перед порогом расстилали в знак почета белую кошму и ставили зажженную свечку, а также чашку кумыса, тем самым оказывая символичное гостеприимство духу усопшего. Кроме этого, постоянно жарили на масле поминальные лепешки *шелтек*, запах которых выражал почтение духу усопшего.

Людвиг решил прогуляться вечером по аулу в надежде встретить Айгуль и, вместо того чтобы обойти траурное жилище сзади, нечаянно оказался с передней стороны, почувствовав приятный запах жареного масла. Неожиданно со скрипом открылась одна из створок дверей, Людвиг автоматически глянул и застыл от ужаса. Он увидел Камбара в парадной одежде, что была на нем в день встречи: в том же самом роскошном фиолетовом халате, высоком колпаке с золотым поясом и той же саблей. Людвиг слегка пошатнулся и прислонился к юрте, думая: «Что за мистический народ, вначале умирают, рыдают и устраивают пышные похороны, а затем украдкой продолжают жить?»

В таком состоянии – бледным и с глазами, полными недоумения и ужаса, увидела его Айгуль. Она быстро подошла к нему. «Что с вами, вам плохо? Что случилось?» – заботли-

во стала расспрашивать его она. Людвиг без слов указал на внутрь юрты. «Что такого там может быть? Давайте зайдем туда!» Он не мог двигаться, но, не желая показаться Айгуль трусом, последовал за ней. Каково же было его удивление, когда он понял, что это наряженная деревянная болванка – *тұл* имитировала покойного Камбара. Перед этой болванкой на коленях расположились его жены и запели вновь траурную песню, восхваляя его заслуги перед народом, семьей и сетуя на свою несчастную судьбу.

– Так должно продолжаться вплоть до годовщины. Таков обычай, – сказала Айгуль. – К концу года мужчины будут сваливать *тұл*, переламывать копьё под отчаянное сопротивление и рыдания жен, детей. На этом будет закончен траур, и жены выйдут замуж за его младшего брата Бахыта. Пойдемте, я провожу вас, – сказала Айгуль и повела его к жилищу.

– У меня еще кружится голова, – сказал Людвиг.

– Ничего, все пройдет.

– Подышать бы свежим воздухом, тогда, может быть, и полегчало-бы, – ответил он.

– Если хотите, мы можем погулять за аулом, полюбуемся на звезды, – предложила Айгуль.

– А как же ваши родители, что они скажут?

– Они уехали в гости в другой аул, а сестренка я уложила спать.

– Я буду рад, – ответил Людвиг.

Вскоре они оказались одни за аулом. «Пойдемте к холму», – предложила девушка. Пока они шли, наступил вечер. «Боже, какая красота!» – глядя на закат, сказала Айгуль. «Какая же она поэтичная», – подумал он.

– У вас такая же красивая природа? – спросила она.

– Конечно, только у нас гораздо больше зелени, деревьев, лесов. – Айгуль, объясните, почему при перекочевке в начале семейного каравана везут купольный свод *шаңырақ*?

– С удовольствием расскажу. У нас, у казахов *қара шаңрақ* родителей – самая важная часть юрты, она передается из поколения в поколение. В наших мыслях шаңрақ связывается с родом, духами предков по мужской линии. Даже маленькая юрта с *қара шаңрақ*, который по обычаю достается младшему сыну, считается самым большим и почетным домом – *үлкен үй*. Если умирал последний человек из рода, *шаңрақ* оставляли на его могиле, что означало прекращение рода. Поэтому при перекочевке эту часть юрты везут впереди всего.

«Как толково она объясняет, до чего же она умна!» – с восхищением отметил он про себя. – Какой необычный узор на вашем перстне! – отметила Айгуль.

– Это наша фамильная монограмма, можно сказать родовой знак. Из сплетения начальных букв имени и фамилии моего деда Артура Вебера образован этот узор. Мой дед передал моему отцу, а он перед смертью – мне. Я же должен передать своему сыну. Таким образом, этот перстень должен

передаваться из рода в род по линии нашего рода, – закончил Людвиг.

– Как это интересно, когда конкретный предмет может связывать предков и потомков в единую цепочку. Этот перстень, можно сказать, магический талисман вашего рода. Почему он такой крупный? – спросила девушка.

– Дело в том, что в нем можно было хранить... – и на этих словах оборвалась фраза Людвига из-за неожиданно промчавшегося почти рядом всадника.

– Не случилось ли чего-нибудь?! – спросил обеспокоенный Людвиг.

– Нет, все в порядке. Если бы это был человек с плохой вестью, он бы уже издал громким возгласом или плачем дал бы знать. Скорее всего, это просто лихой наездник. Смотрите, звезды высыпали! – сказала Айгуль.

– Хочешь, я тебе расскажу о звездах? – спросил Людвиг.

– Конечно, хочу, мне никто об этом никогда не рассказывал. Мне интересно знать о звездной белой полосе, у нас ее называют Птичья дорога (Құс жол). А как у вас называется?

– У нас это длинное скопление именуют как Млечный путь. Название связано с мифом древних греков, где сказано, что эта звездная полоса образовалась из-за разлитого в небе материнского молока богини Геры, которая кормила грудью своего сына Геркулеса. И мы, и вы – азиаты – связываем эту полосу с важными понятиями.

– Боже, какой вы умный, как много знаете! – с восхище-

нием отметила Айгуль.

Людвиг улыбнулся ее словам. Продолжая рассказывать, он вдруг непроизвольно обнял ее за плечи и был поражен, что она не отстранилась от него. Айгуль давно ждала от него решительных шагов. Общаясь с ним, она настолько сблизилась с ним духовно, а главное, смогла понять его большой и необычный мир, который ей казался сказочным. Она любила его, сама не ожидая этого.

Ей было все равно, что будет с ней завтра и что скажут родители, родственники, аульчане. Быть с ним и прикасаться к нему было все равно, что слиться с целым мирозданием, остальное казалось не существенным.

Разум Людвиг отказывался слушать предупреждения внутреннего голоса. Это был не только могучий зов плоти, это было сверхромантическое чувство. Ее свежесть, духовная чистота, порывистость не оставили ни одного шанса сопротивляться могучему притяжению. Все смешалось и закружилось в водовороте любви: звезды, запах травы, степной воздух. Людвиг со всей нерастраченной страстью осыпал поцелуями ее губы, глаза, атласную ароматную кожу, гладил ее роскошные смоляные волосы, а затем напел проникновенную мелодию. «Сколько спокойствия и степного раздолья в этой музыке...» – прошептала, засыпая, Айгуль.

Проснулись они от утреннего солнца. «Надо быстрее идти домой», – сказала, несколько смущаясь, Айгуль. Она была та же, но в ней появилась какая-то робость. Он был ее первой

любовью. «Что он обо мне думает?» – с некоторой тревогой размышляла девушка.

«Может быть, она жалеет о нашей близости?» – думал Людвиг, почувствовав мощный прилив энергии. Он своим сознанием устремился к делам, не догадываясь, что теперь он, как мужчина, должен взять на себя ответственность за нее и решить их совместную судьбу.

Прошло три дня. Осмысление времени и жизненных событий у мужчин и женщин происходит абсолютно по-разному. Айгуль не выходила из дома. Для нее эти три дня растянулись на три года. В сознании уже в тысячный раз прокручивалось все до мелочей: та ночь и та умиротворенная мелодия, напетая Людвигом. Она испытывала то полное счастье, то острое отчаяние от того, что он не ищет с ней встречи. Если раньше она могла запросто прийти к нему сама, то теперь ждала первого шага от него. «Если я ему нужна, он пришлет кого-либо из детей» – думала Айгуль. Ей даже в голову не пришло винить Людвига в чем-либо.

«Я сама, только сама виновна в том, что произошло той ночью», – размышляла Айгуль. Если раньше у нее было к нему девичье романтическое чувство, то теперь она любила его со всей земной страстью. Ей казалось, что она уже прожила свое, отпущенное судьбой на каждого человека счастье. Что же еще нужно? Она не жалела ни о чем, хотя знала, какие тяготы ожидают ее в жизни. Ощущение того, что она была близка с любимым человеком, утонченным и благородным,

каким она его воспринимала, перекрывало с избытком все предстоящие ей трудности. Умом Айгуль понимала, что ей никак нельзя претендовать на роль его жены, однако чувства, целиком властвуя над ней, стремительно направляли ее сознание к нему с его необъятным миром.

Людвиг же в эти три дня был занят осмыслением новости, доставленной тем самым всадником, галопом промчавшимся мимо них там, в степи. Этот гонец сообщил, что со дня на день возвращается экспедиционный отряд за ним, Людвигом. Он стал упаковывать свои вещи, постоянно думая о том, что надо поговорить с Айгуль. Он стал взвешивать реальные шансы вероятностной будущей совместной жизни в Австрии. Он понимал, что общество, в котором он постоянно вращается, могло не принять Айгуль. Скорее посчитают ее дикаркой, не знающей ни языка, ни светских манер, и это было так...

В то время когда Людвиг весь был в раздумьях, мать Айгуль получила известие о неожиданной смерти годовалого ребенка – внука своей сестры, что жила в другом ауле. Она сразу же стала собираться в дорогу, предупредив Айгуль, что та, как старшая дочь, должна ее сопровождать. По традиции, когда умирали малые дети, выражать соболезнование можно было без мужчин, лишь одним женщинам. Тем более что Ахмет должен был участвовать в сорокадневных поминках бая Камбара. Через час женщины спешно сели на коней и отъехали.

«Пусть Людвиг соскучится по мне, пока меня не будет, — думала Айгуль. — Когда вернусь, наверное, что-то и разрешится». С такими мыслями она прищепорила коня, оставив мать на время немного позади себя, чтобы наедине с собой вновь прочувствовать пережитое...

На следующий день в ауле появился экспедиционный отряд. Узнав о случившейся с Камбаром трагедии, генерал Карпов и члены его отряда выразили соболезнование женам и брату Бахыту — теперь уже новому главе рода. Людвигу через день нужно было возвращаться в Австрию для сдачи отчета по собранным материалам. Экспедиционный отряд, попрощавшись с новым главой рода, двинулся в путь в среду — удачный день, по совету Бахыта.

В пятницу провели поминки по баю Камбару. Народу приехало много. Мяса и кумыса было вдоволь. Все только и говорили, насколько умен и справедлив был бай Камбар. Вспоминали все доброе, что он сделал для людей.

Через четыре дня после этих событий Айгуль возвращалась с матерью домой. В дороге она обдумывала, как встретиться с Людвигом. Она решила, что больше не будет ждать от него первых шагов, а пойдет, как обычно, сама к нему в юрту с каким-нибудь вопросом. И у них завяжутся прежние отношения. Эти думы и мечтания вызвали у нее сладкую истому. Все это время вспоминались его поцелуи и постоянно звучала та ночная мелодия. Прибыв к аулу, они спешили. Еще не доходя до своей юрты, Айгуль спросила у пробежав-

ших мальчишек: «Что нового в ауле?»

«Прошли сорокодневные поминки по баю Камбару, Людвиг-ага уехал на свою родину», – ответили на бегу мальчишки. Айгуль, не поверив этим словам и оторвавшись от матери, быстрым шагом направилась было к юрте любимого, как навстречу ей попалась работница Салима, которая подтвердила, что весь экспедиционный отряд с Людвигом уехал уже дней шесть тому назад.

Эта новость обожгла ее изнутри таким сильным огнем, что лицо побледнело, ноги подкосились, и она остановилась, тяжело дыша. Тело стало каменеть, и мышцы напряглись до боли. Вскоре подошла мать и спросила:

– Что с тобой случилось? Куда ты от меня торопишься убежать?

– Ничего не случилось, – с трудом вымолвила побледневшая Айгуль.

– Доченька, да ты, кажется, заболела, ты такая бледная, идем скорее домой, тебе нужно прилечь! – с беспокойством в голосе стала причитать мать.

Войдя в юрту, Айгуль коротко поздоровалась с отцом и сразу же слегла на три дня. Некогда бойкая и веселая говорунья Айгуль, почувствовав боль и пустоту, поникла и впала в безмолвие. Однако она ничем себя не выдавала. Сдержанность в чувствах – неукоснительное правило в женском, особенно девичьем, поведении казахов. «Я всегда знала, что рано или поздно Людвиг уедет к себе на родину, но не так

спешно. Он уехал, будто сбежал украдкой, не попрощавшись со мной», – с горечью рассуждала она.

Ахмет догадывался, что дочь, очевидно, недовольна тем, что не смогла попрощаться с Людвигом, они ведь были так дружны. Когда, наконец, Айгуль встала, то пошла к юрте, где жил Людвиг, и попросила у Салимы разрешения войти в нее. Обстановка жилища оставалась прежней, там пока никто не поселился. Работница, чутьем понимая ситуацию, вышла из помещения. Айгуль, оказавшись в юрте, стала притрагиваться к кровати, вешалке, посуде – вещам, которых касались руки любимого. Она вдыхала воздух, что окутывал Людвига. Ей казалось, что совершится чудо – вот-вот откроется дверь, и войдет улыбающийся синеглазый Людвиг, на голову которого она от счастья выплет горсть серебряных монет. Ее мозг не мог сразу смириться с тем, что она навсегда рассталась с любимым человеком.

«Все кончилось!» – думала Айгуль.

Так она пробыла в юрте до вечера, затем вышла за село и пошла к тому месту, где она познала любовь. Она присела на то же самое место, которое врезалось ей в память навсегда. Айгуль стала гладить траву, которая казалась ей такой родной, непроизвольно прикоснулась к ней поцелуями. Затем она легла ничком и закричала что было мочи. В этом крике были и боль, и отчаяние, и страсть. Все это приняла земля, и никто не слышал и не видел страданий девушки. После этого потоком полились слезы, которых больше никогда у нее не

было. Они навсегда высохли.

Затем она легла навзничь и долго смотрела в вечернее небо, в котором прямо на глазах усиливалась синева, концентрируясь в цвете. Она повернула голову и невольно залюбовалась изумительными разводами красноватого цвета от заходящего солнца. «Как жаль, что эту красоту вижу я одна, без Людвига», – с тоской подумала Айгуль. Ей подумалось: «Почему Всевышний, сотворивший такое великолепие природы, не может помочь мне – песчинке в этом необъятном мироздании?» Наконец она успокоилась, тело расслабилось, исчезла мышечная боль, и она, поднявшись, направилась к аулу.

Через несколько дней настало время новой перекочевки. Айгуль, разбирая юрту и упаковывая вещи, думала: «Хорошо, что все заняты, и никто не спрашивает у меня, почему я молчу». Как обычно, всё сделали быстро и ладно. Во время движения каравана молодежь веселилась, пели песни. К ней несколько раз подъезжали на конях девушки с просьбой, чтобы она пела, ведь у нее был самый лучший голос. Однако Айгуль, сославшись на плохое самочувствие, старалась остаться наедине со своими думами, звучащей в голове, как она стала понимать, прощальной мелодией, что были для нее важнее и интереснее всего остального.

Несмотря на тяжесть ситуации, она, вспоминая их близость, винила во всем только себя. Вновь и вновь, уже в который раз она вспоминала о вспышке их любви, и каждый

раз ее охватывало прежнее волнение.

«Получается, что после той ночи он остался холодным, а я оказалась опаленной? Однако зачем обманывать себя? Людвиг с его благородством, утонченной воспитанностью никогда бы не посмел тронуть меня, если бы не почувствовал желание с моей стороны», – размышляла Айгуль. «Он уехал, не попрощавшись со мной, значит, к сожалению, он вовсе не любил меня... – с горечью думала она. – Что же делать?! Видно, так устроен мир: кто любит, тот и должен нести огонек прошлой близости и брать на себя ответственность. Ах, если бы у меня родилось дитя от него, его часть, что согреет меня и свяжет с Людвигом навсегда!»

Такое желание молодой девушки было очень необычным для того времени. Ведь в старину такую девушку могли подвергнуть самым страшным наказаниям. Однако чувство Айгуль было настолько глубоким и необъятным, что ее сознание отвергало все, что могло противоречить ее мечте.

Когда прибыли и обустроились на новом месте, жизнь потекла в своем обычном русле и темпе. Айгуль с сестренками под руководством матери сушила на зиму молочные продукты, валяла войлочные ковры, ткала разноцветные паласы, вышивала настенные ковры, занималась привычным для летнего сезона делом. Она заметила, что практически не замечает внешнего шума. Ей казалось, что все вокруг стало безмолвным, настолько глубоко Айгуль ушла в свой мир, в котором звучали лишь голос любимого и его мелодия.

Прошел уже месяц, как она не видела Людвига, но вспоминала его ежедневно, пребывая в постоянном молчании. В один из дней, когда она стала дубить овчину, вдруг от запаха кислого молока айран ее затошнило, и она вспомнила, что накануне у нее появилась тошнота и от запаха вареного мяса. Айгуль поняла, что беременна. Хотя она сама и желала этого, прося Всевышнего об этом, тем не менее, вначале Айгуль испытала страх, смятение, отчаяние, перешедшие в тихую радость. Однако она никому не стала говорить, включая мать, боясь, что ее могут заставить прервать беременность, что иногда происходило в аулах.

В один из дней она случайно обнаружила в шкатулке матери хорошо знакомый ей перстень Людвига. Она с волнением спросила мать и отца: «Откуда этот перстень?» Тогда отец подумал: «Как ни крути, *аманат*¹³ есть *аманат*, нельзя нарушать это правило, нужно отдать вещь, все равно она его обнаружила». «Доченька, это тебе перед отъездом Людвиг передал на память, возьми его, я просто забыл о нем», – с некоторым смущением ответил Ахмет.

Айгуль надела на палец перстень, который хорошо знала, и вышла из юрты. Стон вырвался из ее груди. Чтобы никто не смог наблюдать за ней, она, беспрерывно целуя перстень, ушла в степь. Там у нее вырвался радостный крик: «Он оставил перстень мне на память! Выходит, я для него хоть немно-

¹³ Аманат – честно выполнить обещание относительно передачи какого-либо предмета конкретному лицу в его отсутствие.

го, но что-то значила!» «Видимо, это украшение – извинение за расставание, если учитывать его воспитанность и доброту. Ведь у него, кроме этого перстня, ничего не было. Все подарки он давно раздал аульным, – подумала Айгуль. И тут она вспомнила собственные слова, сказанные Людвигу о перстне, как о магическом талисмани. «Скорее всего, он оставил этот перстень мне в качестве пожеланий счастья», – подумала она. Вдруг ее осенило, как Людвиг говорил, что этот родовой перстень передается из поколения в поколение. «Значит, он оставил мне весьма ценную для него вещь! Знал бы он, что я ношу под сердцем его дитя, – мелькнуло у нее в сознании. – Ему, родившемуся дитя, я и передам перстень в свое время. Как хорошо, что я всегда могу выйти в просторную степь, чтобы высказать природе сполна, что у меня накопилось на душе, – и хорошее, и плохое!» – подумала Айгуль, возвращаясь в аул.

Мать, обратив внимание на то, что дочь не ест мяса, и вместе с тем периодически молча улыбается, спросила: «В чем причина такой радости?» Тут Айгуль не выдержала и призналась матери, что ждет ребенка. Та, конечно, была в ужасе, начала причитать и корить дочь: «Какой позор нашему дому!» Затем стала предлагать разные варианты прерывания беременности с помощью повитухи или знахарки. Айгуль напроць отвергла все предложения, сказав: «Я лучше умру, чем лишусь ребенка!»

«До чего же сильная и независимая моя дочь!» – подума-

ла с некоторым удивлением и удовлетворением мать. По сути, именно сияющий вид дочери придал силы и уверенности матери. Отец тоже заметил настроение дочери, ошибочно приняв это за новую влюбленность. Когда жена поделилась с ним, Ахмет пришел в ярость, обругав жену за то, что недосмотрела за дочерью, но с Айгуль не стал даже разговаривать. Ахмет имел привычку, прежде чем гневаться и кричать на дочерей, призывать вначале разум, уходя в размышления. Он думал: «Вот как, оказывается, далеко зашли отношения Айгуль и Людвига. Как же это могло случиться? Больше всего я доверял своей не по годам умной старшей дочери. Она у меня была как правая рука, и надо же, что именно она совершила такую роковую ошибку...»

Однако ругать Айгуль он не стал, понимая, что ей и так тяжело. Ахмет стал искать выход из ситуации – как спасти судьбу любимой дочери. Отдавать беременную дочь согласно колыбельному сговору за сына своего друга он уже не мог. Да и друг его не вспоминал об уговоре, так как сын его вырос никчемным и болезненным, лишенным смекалки и рассудительности.

Наконец, он принял решение отдать дочь замуж, пока люди не распознали ее положение, за одного мужчину из рода *төленгүт*, в котором было перемешано много этносов. Звали его Ерлан, он был старше Айгуль на восемь с небольшим лет. Корни его, говорили, восходят к хакасам. Некоторые знали, что он бесплоден, две его жены, потребовав раз-

вода, ушли одна за другой и вышли замуж.

Ерлан страдал от этого. Казахи таких мужчин называли *құ бас*, т. е. бесплодный и одинокий. Ему не позволялось сидеть со сверстниками на собраниях, праздниках, его место было ниже других... В традиции казахов было продумано много разных мелочей для унижения достоинства таких мужчин.

Ахмет решение-то принял, но тут же подумал: «Сколько разговоров и пересудов возникнет у родственников. Все будут удивлены: как можно было очаровательную, умную и бойкую Айгуль отдать за простого, неименитого и нечистокровного казаха?! В чем причина такой поспешности?»

С другой стороны, если родичи распознают, что Айгуль в положении вне брака, некоторые из них, приверженцы старых традиций и строгой морали, потребуют, чтобы дочери отрезали косы – вещественный знак ее позора. Сможет ли сама Айгуль и родители пережить такое?

С тяжелыми мыслями и ничего не придумав, Ахмет отправил к Ерлану посыльного. Через день тот приехал. Он был на вид абсолютно нормальный мужчина, никто даже не заподозрил бы о его изъяне. Ахмет, ничего не утаивая, рассказал всю правду, как есть, и обозначил проблему: «Ерлан, мне бы хотелось все обставить таким образом, чтобы мы не могли бы отказать тебе в выдаче дочери. Иначе пойдут пересуды и сплетни среди родственников, что скажется на репутации младших дочерей. Да и мне хотелось бы доживать

свою старость в уважении», – сказал Ахмет.

Ерлан, подумав, сказал: «Уважаемый *мырза* Ахмет, спасибо вам за правдивость и честность. Я не могу скрыть свою радость от возможности стать равным в обществе. В ответ на ваши печальные сомнения могу сказать, что есть один выход!»

И он подробно изложил свой план, который Ахмет одобрил. Через десять дней жители аула стали свидетелями, как Ерлан принес убитую птицу фламинго, на которую была надета мужская рубашка красного цвета, а на шее был повязан также красный шарф. Все были в недоумении. Ерлан же, подойдя к юрте Ахмета, громко во всеуслышание заявил: «Уважаемый *мырза* Ахмет, я принес вам фламинго и требую взамен отдать свою дочь Айгуль, которую я безмерно люблю!»

Выйдя из юрты, покрасневший Ахмет молчал, не зная, что ответить. Тогда Ерлан продолжил: «По закону моих предков-хакасов вы не имеете права отказать в моей просьбе. В противном случае птица фламинго накажет вас, и ваша дочь непременно умрет в ближайшее время!» – «Я согласен! Я не могу рисковать любимой дочерью», – сказал Ахмет.

На этом и закончилось представление. Через три дня сыграли скромную свадьбу, учитывая щекотливое положение обеих сторон, и любимая дочь уехала к мужу.

Айгуль привыкала к новому дому. Всегда бойкая и смелая, теперь она стала тихой и настороженной. Она думала: «Как же мне быть, как угодить мужу, что взял меня такую?»

Неужели такое бывает, когда один обманул, а другой приглубил?»

Так она проходила долгие восемь месяцев. Наконец, когда стали приближаться роды, Ерлан пригласил повитуху – *кіндік кесер* (отрезающая пуповину) и отправил человека с вестью к матери жены, которая не замедлила вовремя прийти с колыбелью. Повитуха стала совершать магические обряды¹⁴ для облегчения родов, обратилась с просьбой о помощи к Биби Фатиме – богине плодородия, покровителей детей и домашнего очага. Женщина принимала роды со словами: «Не моя рука, а рука Умай, Биби Фатимы». В это время мать Айгуль поставила варить мясо со словами: «Қара қазан бұрун туа ма, қара айел тез туа ма» («Что раньше произойдет: сварится мясо или разрешится женщина?»)¹⁵. Нарращивать количественно и качественно другие магические приемы не пришлось, поскольку Айгуль, к всеобщей радости, наконец-то разрешилась. Каково же было удивление, когда родилась двойня.

«Нужна еще одна колыбель!» – воскликнула повитуха.

¹⁴ Магические обряды, совершаемые для облегчения родов, заключались в том, что открывали все емкости (сундуки, лари, шкафы), развязывали все тюки, узлы, вскрывали баранью брюшину (қарын), где хранилось сливочное масло, затем расплетали косы роженицы и снимали с нее все ювелирные украшения. Более того, разрывали подол женщин, находившихся в помещении.

¹⁵ Таким образом, согласно обычаю жарысқазан вызывали на соревнование роженицу и котел, что должно было магическим образом ускорить благополучный исход родов.

Опытная повитуха мальчику пуповину обрезала ножом, а девочке – ножницами.

Ерлан, следуя традициям, также совершил определенную обрядность с пуповинами детей¹⁶. Счастливый отец вручил повитухе ценный подарок и стал с радостью любоваться детьми. Через несколько дней родители разглядели, что дети беленькие с синими глазами. Правда, волосы у них были черные, как у матери. Дочь называли Катипой, а сына – Алиханом. Айгуль была очень счастлива. Она с улыбкой наблюдала за спящими детьми, находя в них знакомые и любимые черты: изящные носики, красиво очерченные губы. В качестве колыбельной она все время напевала детям мелодию, подаренную когда-то возлюбленным. Именно так она осмысливала эту прекрасную музыку – как подарок, которым можно обогревать свою душу. Она размышляла: «У меня от него остались дети, перстень и мелодия». Однажды в промежуточном состоянии между сном и явью она вдруг увидела, как Людвиг нагибается над колыбелью детей и целует их в щечки.

Встрепенувшись, Айгуль закричала:

– Людвиг!

– Это я, дорогая, – с некоторой грустью ответил Ерлан. – Тише, а то детей разбудишь.

¹⁶ Обычно пуповину мальчика, завязанную в тряпочку, привязывали к гриве лошади с целью стимулировать в будущем у ребенка способность разводить скот. Пуповину девочки клали в сундук, чтобы она стала искусной мастерицей.

Она подумала: как хорошо, что никто ее не судит, не ругает, не осуждает. От всего этого ее оградил Ерлан, объявив всем, что, наконец-то, у него родились собственные дети на его счастье. Со временем Айгуль стала привыкать к мужу, которого не в чем было упрекнуть. Она была признательна ему за понимание, поддержку и доброту, благодаря чему дети росли благополучно, в ласке и заботе.

Каждый раз, глядя в их синие глаза, она вспоминала Людвига и с грустью размышляла: «Как жаль, что не бывает взаимной любви!» Однако, где-то глубоко в подсознании, ее все же переполняло приятное волнение. Она думала: «Что с ним и как сложилась его личная жизнь? Знал бы он, что у него уже есть дети». Вдруг она вспомнила слова Людвига, что он хотел бы иметь двоих детей, и о подаренном ею талисмане с двумя пришитыми пуговицами: «О Аллах, как не удивляться такому совпадению! Ведь сейчас в колыбели спят его сын и дочь...»

Прошло три года. Все это время отец Айгуль переживал, рассуждая: «Такая на редкость умная, бойкая дочь живет с нелюбимым человеком. Разве может она быть счастливой?» С такими мыслями он решил навеститься к дочери.

Айгуль была безмерно рада отцу. Трехлетние внуки подбежали к деду. Он их обнял, поцеловал в лоб и каждому вручил гостинцы от бабушки.

Ерлан, стараясь угодить дорогому тестю, вышел выбрать барашка для свежего бешпармака. В его отсутствие отец

спросил:

– Доченька, как ты живешь, не страдаешь ли?

– Отец, моя судьба сложилась не так, как ты хотел. Но знайте, Ерлан очень хороший человек, он ни разу меня не обидел, и за это я ему благодарна.

– Хорошо, если это так. Я спокоен. Однако я всегда думал, что ты будешь по-настоящему счастлива!

– Отец, может быть, это трудно понять, но я очень счастлива детьми! Они подарок судьбы! Отец, хоть я и причинила тогда семье боль, но я всегда буду благодарна вам за то, что вы стойко и с пониманием отнеслись к моему тогдашнему положению.

– Слава Аллаху! – с удовлетворением сказал Ахмет.

Прошли годы, красивые на зависть дети Айгуль подросли, им было уже по пятнадцать лет. Оба отличались поэтическим талантом, умели слагать стихи. «Как Людвиг», – думала Айгуль.

Когда Катипе исполнилось 16 лет, все видели, что краше ее нет. Насколько она была красива, на столько же умна, добра и поэтична. Однако явных поклонников у нее не было. Юноши настороженно к ней относились, не считая ее своей и не понимая, к какому же народу она относится. Алихан стал известным в роду поэтом. Жаль, что стихи его, зарытые в землю, от страха перед советской властью, сгрызли мыши, что было обнаружено, когда их раскопали. К сожалению, следы Алихана затерялись.

Бексултан и пери

В один из народных праздников, на котором собралась молодежь из нескольких родов, Катипа попала на глаза молодому Бексултану. Он сразу же в нее влюбился. Она отметила его статность, богатырское телосложение и жгучие черные глаза. Его привлекла ее изумительная, сияющая изнутри белая кожа и огромные синие глаза, которые эффектно контрастировали с черными волосами.

Когда он поделился со своими друзьями решением о своем выборе, те стали предостерегать: «Бексултан, подумай хорошенько, она, конечно, красива, спору нет, однако ее внешность совсем не наша. Где ты видел казашку с такими огромными ярко-синими глазами? Как ты думаешь? Почему до сих пор никто к ней не прикипел?..»

Бексултан ответил: «Конечно, я вижу, что она не похожа на наших девушек. Может быть, *Көк тәңір*¹⁷ послал мне ее. И какой же я батыр, если я побоюсь синих, как небо, глаз!..»

Бексултан был хоть не из богатого рода, но известного в основном своими воинами и батырами. В те времена физическая сила оценивалась высоко, наряду с поэтическим даром. Особенно гордились они дедом Бектурганом, которого боялись и уважали во всей округе на протяжении несколь-

¹⁷ Көк тәңір – Бог-небо, домусульманское тюркское верование с обожествлением неба, обосновавшее идею единства человека с природой.

ких поколений. Рассказывали, что он был не только батыром атлетического телосложения, но и ясновидящим. У многих в памяти остался случай, когда глава одного из родов летом во время конной прогулки потерял свой перстень-печать. Это событие было пугающим, поскольку предметом могли воспользоваться нечестные люди. К вечеру обратились за помощью к Бектургану. Выслушав просьбу, батыр не спеша попил чаю и выехал с другом в степь. Пока ехали, наступила ночь. Лишь лунный серп бледно освещал землю. Через некоторое время Бектурган, сидя на коне, остановился и резко вонзил в землю копье, отчего послышался легкий звон. Батыр сказал другу: «Подними перстень, он у наконечника копья!» Вернули потерянный предмет хозяину, и тот отблагодарил Бектургана, подарив ему молодого скакуна.

Пользуясь своим авторитетом, батыр даже смог сосватать за своего младшего брата сестренку бая Кунанбая. Но не просто было породниться со знатным родом. Бай и не думал отдавать девушку в род не очень богатого батыра. В то же время он, не желая ссориться с ним, придумал хитрость, рассчитывая на наивность и доверчивость Бектургана. Зная средний достаток претендента на руку его сестренки, Кунанбай предъявил ему невыполнимые условия. Он потребовал в качестве калыма 100 белых верблюдиц и 100 белых кобылиц. Такие животные в силу их редкости считались особыми, чуть ли не священными и потому очень высоко ценились казахами. Свое требование бай обосновал тем, что та-

ковы были желания его предков, что приснились ему. Что поделаешь, в казахской традиции культ предков был особым, и никак нельзя было оспаривать их волю, тем более явившихся во сне. Бектурган, сам видевший вещие сны, даже не подверг сомнению слова бая.

Батыр, не привыкший к поражениям и, пользуясь своей известностью, обратился к знакомым, а также к одному казахскому купцу, проживавшему в Китае. Этот купец, благодаря опеке Бектургана над своим караваном, имел возможность успешно заниматься торговлей, за что был признателен батыру. Он привозил из Китая шелк, а обратно увозил коней, шерсть и войлок. На этом он хорошо разбогател. В то время ограбление караванов было распространенной проблемой. Этот торговец, по сути, друг Бектургана, обещал обеспечить все, что нужно, но взамен просил возвратить долг вещами из приданого невесты. На этом друзья и договорились.

Каково же было удивление Кунанбая, когда в назначенный срок не сам Бектурган, а его младший брат Оспанкул с друзьями пригнал к нему табуны требуемых животных. Бай знал о нечеловеческой силе Оспанкула, получившего прозвище Құнан-батыр из-за одного невероятного случая, произошедшего с ним. Однажды, когда ему было 17 лет, он пас коней и на него напали воры – угонщики скота. Не имея оружия, он разогнал их, размахивая вкруговую трехлетним жеребцом – *құнан*, держа его за хвост. Причем наносил удары

противникам, согласно казахскому закону, ниже колен. Пребывая в такой сложной ситуации, он к тому же еще и соизмерял свою силу, стараясь не выходить за рамки дозволенного законом, чтобы не платить в будущем штраф за нанесенные увечья. Воры были в ужасе от невероятной силы пастуха и сбежали. Они же и разнесли эту славу о нем, закрепив за ним прозвище Құнан-батыр. К сожалению, в двадцать лет этот батыр умер от аппендицита.

Итак, Кунанбай впервые увидел такое чудо: сто белых протяжно ревущих верблюдиц и сто гарцующих белых кобылиц. Придаться было не к чему. Однако, внутренне потрясенный Кунанбай, скрывая свое волнение, кроме дежурных слов приветствия, не сказал ни «да», ни «нет». Он решил затянуть дело, надеясь придумать еще что-нибудь. Құнан-батыру и его друзьям выделил отдельную юрту, а поздним вечером послал человека подсмотреть и подслушать, чтобы знать намерения и настроение батыра. Құнан-батыр, обескураженный холодным приемом, только теперь стал догадываться о хитрости бая. Он и его друзья надели на себя свое воинское обмундирование, после чего Құнан-батыр стал с угрозой в голосе выражать свое возмущение холодным приемом:

– Нас не угостили құйрық-баур!¹⁸ Если он хочет войны – пойдем войной, если он хочет мира и уважения – будем

¹⁸ Құйрық-баур – ритуальное блюдо из вареной печени и курдючного сала, угощение, которое символизировало обоюдное согласие на брак.

уважать. Однако если он не способен оценить почтение к его роду, значит, надо действовать силой! Я не потерплю такого позора! Соберу своих друзей и пойду на него войной! Все равно мы заберем невесту!

Свои слова батыр сопровождал сильными ударами плетью оземь, что уже означало оскорбление дому и вызов к конфликтным отношениям.

Посыльный, весь дрожа от страха, тут же доложил об угрожающем воинственном настроении Құнан-батыра. Бай, поразмыслив, принял решение. Утром гостей пригласили на чай и подали ритуальное блюдо *құйрық-баур*. Теперь можно было обговорить дела, связанные со свадьбой. Кунанбай, несмотря на непростой и жесткий нрав, был весьма умен. Если он и проиграл, то постарался выйти из этого положения с достоинством. Почти столетие из уст в уста люди передавали впечатление от необыкновенно богатого приданого. Несколько верблюдов были нагружены красочной поклажей из роскошного текстиля. В приданом были деревянный остов просторной юрты, белый войлок. Невеста с головы до ног была усыпана ювелирными украшениями, ярко сверкавшими на солнце.

Удивительно, как иногда сквозь время соприкасаются судьбы людей. Знал бы Кунанбай, что через много лет волею судеб именно внук его свата будет инициатором и организатором чествования памяти его сына Абая.

Все в округе из уст в уста рассказывали эту историю сва-

товства. Хорошо знали об этом и Айгуль с Ерланом. Они, узнав о чувствах Бексултана – сына Бектургана, к их дочери, стали советовать Катипе не проходить мимо такого джигита. Дочь же при разговоре с матерью сказала: «Он, конечно, *ана*, вроде бы достойный джигит, но у меня нет к нему чувств, а вдруг я влюблюсь в другого, я ведь еще молода, мне всего 16 лет». На что Айгуль ответила: «Доченька, пойми, главное, что ты ему приглянулась. О своих чувствах забудь! Ты не знаешь, с каким риском связана женская любовь. Кроме боли, она ничего не дает нам».

Эти слова были сказаны с такой глубиной и серьезностью, что Катипа поверила в правоту слов матери. Стали готовиться к свадьбе.

Айгуль, помимо приданого, подарила дочери перстень необычной отделки, не свойственной казахскому ювелирному искусству, со словами: «Хотела я подарить Алихану, но на его палец перстень не наделся, он узковатый, а тебе как раз подходит. Береги, пожалуйста, и знай, что с ним было связано мое иллюзорное счастье!»

Справили свадьбу. Катипа была великолепна в своем праздничном свадебном наряде красного цвета, символизировавшего плодородие и защиту от сглаза. На ней было платье с оборками, камзол, подчеркивавший ее тонкую талию, и высокий конический головной убор *саукеле* с белой длинной вуалью. Перешагнув порог дома мужа правой ногой, согласно обычному народному праву *адат*, она вылила жерт-

венное масло в огонь, что подали ей в ковше, со словами: «От ана, Май ана, жарылқа» (Богиня плодородия, благослови), что являлось обращением к богине плодородия с просьбой о покровительстве.

После обряда бет ашар¹⁹ подняли свадебное покрывало и на голову повязали белый платок, который почти прикрывал лицо. После этого целых три дня продолжался обряд *келін шәй* – пить чай из рук невесты, за что гости одаривали невестку каким-нибудь подарком. Каждый раз, подавая чай гостю, она должна была приоткрывать лицо, прикрытое платком. Всем не терпелось еще раз полюбоваться на невесту. Было очень много народу, желающих увидеть ее. Бексултан, заметив ее усталость, сказал: «Еще многие придут посмотреть на тебя, поток еще не схлынул, так что просто посиди на ковре в середине юрты».

Так она и поступила, сидя для людского обозрения на ковре несколько дней. Красный наряд подчеркивал ее удивительную, не привычную для казахов красоту. Из-за ее утонченной красоты она воспринималась как сказочная пери.

Их чету люди называли черно-белой парой. Катипа рожала только сыновей, что считалось особым достоинством. Произвела она на свет за 14 лет пятерых сыновей. Все пятеро выросли под необычную колыбельную песню матери, которую она переняла у своей матери Айгуль. Эта мелодия не

¹⁹ Бет ашар – музыкально-поэтическая обрядовая импровизация в сопровождении домбры, исполняемая певцом, после чего поднимают вуаль с лица невесты.

была похожа на казахские колыбельные, но в ней было так много красоты и спокойствия, что Катипа не хотела уже других. «Ведь колыбельная песня в каждой семье своя», – ответила Катипа на вопрос Бексултана о происхождении песни. Слова к этой мелодии сочинила сама Катипа.

Всех детей отличала красивая наружность, а некоторых из них – неукротимая тяга к знаниям и образованию, страсть к стихосложению, мечтательности и романтике, в чем сказались гены Катипы. От Бексултана они наследовали богатырскую силу, смелость, о чем ходили легенды. Однако, как втайне мечтал Бексултан, никто из них не родился синеглазым. Забавным было то, что дети появлялись поочередно то смуглыми, то белыми, наследовав то материнские, то отцовские гены. Детей мать воспитывала строго, но вместе с тем приобщала их к стихосложению и учила музицировать на домбре. У нее был красивый голос, как у бабушки. По просьбе уже подросших детей она все еще продолжала исполнять колыбельную. В эти минуты и муж, и дети любовались матерью, восхищаясь ее красотой и пением.

Бексултан, из-за глубоких чувств к жене, старался обеспечить ей и детям достойную жизнь, проявляя трудолюбие, смекалку в разведении и умножении скота – основного богатства в те времена.

Бабушка Айгуль больше всех любила Жаскайрата, который, как она считала, более всего напоминал ей Людвига. Именно ему, когда тот достигнет сознательного возраста, на-

казала Айгуль дочери передать фамильный перстень.

В один из последних визитов Айгуль дочь спросила: «Прошу вас, расскажите мне все об этом перстне, что он для вас значит? Он такой необычный».

Айгуль, слегка покраснев, ответила: «Доченька, я только теперь могу тебе все поведать. Чувствую, что мне мало осталось жить». «Апа, не говорите так, пожалуйста, ведь вам всего 52 года!» – взволновалась Катипа. – «Нет, это так, недавно я видела сон, как за мной пришел Людвиг». – «Кто такой, я о нем ничего не слышала! Да и имя у него неказахское. Не испытывайте мое терпение! Прошу вас, расскажите, апа!» – «Людвиг – это твой и Алихана отец», – с трудом произнесла Айгуль.

Тут наступила долгая пауза. Молчали и мать, и дочь. И только в эти минуты через многие годы, у Айгуль, не проронившей ни одной слезинки, что было на памяти у Катипы, вдруг прорвались слезы. Всхлипывая, она сказала, что плачет, потому что увидела во сне Людвига. «Он меня зовет, значит, его уже нет в живых! В моем сне Людвиг такой же молодой, красивый, с синими, как у тебя, глазами, стал просить меня выйти из юрты. Ерлан же, крепко схватив меня, не отпускает. Тогда я взмолилась и сказала мужу: «С тобой я прожила много лет, а с ним я была лишь миг! У тебя есть дети, которых ты вырастил, и они любят тебя. А он одинок. Молю, отпусти меня к нему!» После этих слов Ерлан разжал руки, и тут я проснулась».

Успокоившись, несколько часов подряд мать рассказывала дочери о своем былом счастье и несчастье, об обманутой любви. В конце Айгуль сказала дочери: «Я прошу тебя передать эту грустную историю моей любви своим детям, а они пусть расскажут своим в назидание того, что можно ошибиться, если брать во внимание лишь свою любовь. Всегда нужно соизмерять свое чувство и думать: сможешь ли ты вызвать ответную симпатию? Я поняла, знай и ты об этом, что среди людей не бывает взаимной любви. Бывает лишь односторонняя...»

Это была последняя встреча дочери и матери. Проходили чередой дни, заполненные бесконечными хозяйственными и домашними хлопотами. Через месяц прибыл вестник с перекинутым через плечо поясом, что символизировало траурное известие. Катипа сразу поняла, что любимой матери больше нет.

На похороны приехало много родственников. Катипа все время была рядом с отцом. Ерлана было не узнать. Всегда выдержанный и спокойный, он, никого не стесняясь, рыдал, не останавливаясь. Когда все разъехались, с ним остались на некоторое время две тети – сестры Айгуль для присмотра за зятем. Одна из них, Жибек, шепотом сказала Катипе: «Когда наш отец умирал, с ним рядом из дочерей была я, пока подъезжали другие из отдаленных аулов. Так вот, он почему-то в бреду все время просил прощения у Айгуль за какую-то вину, а какую – он не успел сказать. Чтобы не берeditь душу

сестре, я ничего ей не сказала. Недавно, вспомнив об этом, я все-таки собралась рассказать Айгуль, да, как видишь, не успела».

Через полгода умер и Ерлан, не выдержав ухода Айгуль в небытие. Похороны провели достойно, народу было много. Люди говорили, что благодаря жене он прожил так долго и умер в возрасте 60 с лишним лет.

Кати́па, горя по родителям, думала: «Какой бы сложной ни была их судьба, они сумели прожить совместно столько лет в мире и согласии, без ссор и упреков».

Шло время, дети становились на ноги. Когда подросток Жаскайрат, мать собрала всех сыновей и при всех вручила ему необычный перстень с надписью на непонятном языке.

«Таково было желание вашей бабушки, чтобы перстень достался Жаскайрату. А теперь послушайте историю о своей бабушке Айгуль», – начала, несколько волнуясь, Катипа. Рассказывала она долго, временами у нее перехватывало дыхание. Закончив рассказ, Катипа заключила: «Запомните и передавайте своим детям и внукам. Вашей бабушке Айгуль хотелось, чтобы эта грустная история сохранилась в памяти потомков. Главное, она всем завещала – не отдавайтесь целиком любви. Это зыбкое чувство, способное погубить человека. Будьте осторожны и не теряйте головы. Запомните, вся ответственность ложится на человека, который любит».

Сыновья в один голос ответили: «Ладно, апа, мы будем осторожны! Какая грустная и необычная, оказывается, была

судьба у нашей бабушки! Теперь мы знаем, почему, апа, у вас такие синие глаза!»

Жаскайрат при этом подумал: «Не буду я пересказывать своим детям этот позор!»

Бексултан и синеглазая Катипа жили относительно дружно. Она позволяла себя любить, а он души в ней не чаял. Ссор у них практически не было, ведь Катипа подарила ему пятерых сыновей. Бексултан и Катипа умерли один за другим, в возрасте за пятьдесят лет, оставив детям солидное богатство в виде многочисленного скота.

Однако, несмотря на достаток, для взрослых сыновей настали не лучшие времена. Все свое богатство сыновья сократили в три раза из-за невнимания к хозяйственным делам. Одним братьям нравилось больше заниматься бесконечным сочинительством стихов в сопровождении игры на домбре либо охотой, другим – борьбой. Некоторые из братьев постоянно участвовали в межродовых и межплеменных столкновениях. Бывало, что наиболее рьяные братья-бойцы занимались и барымтой²⁰, что в те времена являлось экстремальной формой развлечения. Однако чаще всего угон скота производился из-за возмещения ущерба из-за несправедливого решения суда.

Особенная ловкость и непобедимость духа была свойственна среднему брату Темирхану, отличавшемуся невероятной смелостью, богатырской силой и одновременно сме-

²⁰ Барымта – конокрадство, угон скота.

калкой. От избытка энергии и физической силы он постоянно рвался туда-сюда, как необузданный конь. Надо не надо, лез в драку, раскидывая всех направо и налево. Ему трудно было сохранять спокойствие. Старшие братья еле удерживали его от вмешательства в чужие драки. Заставить заниматься монотонным скучным трудом его, как человека импульсивного, практически было невозможно.

Старики рассказывали, что неприятели всегда разбежались, завидев, издалека, мчавшегося на них Темирхана. Был и такой интересный эпизод: случайно встретились две противоборствующие группы. Оказалось, что противников было 15 всадников, а со стороны Темирхана, всего 5. Вдруг он, ударив оземь булавой, страшным громовым голосом закричал: «Кто переступит вот эту черту, того ждет смерть лично от моей руки!» Тут же противники, зная удадь, нечеловеческую силу и ловкость Темирхана, обратились в бегство. Такова была слава и, надо думать, авторитет Темирхана, устрашающе действовавшие на врагов, можно сказать, на мистическом уровне.

Когда в степь пришла советская власть, таких неугомонных, бунтарского духа парней как Темирхан, зачинщиков бесконечных драк, для перевоспитания периодически на полгода или год сажали в тюрьму. Возвращение его домой, обычно с каким-либо земляком, было своего рода незабываемым зрелищем. Если его земляк прибывал домой весь исхудавший и в рваной одежде, то Темирхан, обладая не только

физической силой, но и необыкновенной смекалкой в бизнесе, возвращался эдаким щеголем в роскошной одежде и с небольшой отарой овец. Все это Темирхан приобретал за счет смекалки. Садясь в тюрьму, он брал с собой какую-нибудь забавную вещичку, которая становилась для него стартовым капиталом. Бесконечно обменивая по цепочке вещи, он наживал некоторое богатство. В последующем его внуки, унаследовав эту предприимчивость, стали успешными бизнесменами.

Трое из сыновей Бексултана – Ками, Жарас, Калиаскар, уже при советской власти получив образование, учительствовали. Однако им не удалось прожить долгую жизнь: кто-то умер от туберкулеза, кто-то пропал без вести в Великую Отечественную войну.

«Я третий по счету сын» – задумчиво сказал отец. «Вся моя трудовая деятельность прошла в Восточном Казахстане. Главное, как ты поняла, от этой печальной связи между Людвигом и Айгуль и пошла наша родословная со стороны матери. Всю эту историю бабушка рассказала моей матери, а она – мне и моим братьям», – продолжил отец.

– Папа, это удивительная история! Выходит, что вы внук Людвига и Айгуль? – прощепетала Шолпан.

– Получается, что так, – задумчиво произнес отец. – Ты же сама видишь, что твои сестры и братья внешне немного напоминают европейцев.

– Кроме меня, отец. Я ведь больше похожа на свою пра-

бабушку Айгуль! – с удовлетворением отметила Шолпан.

– Моя бабушка Айгуль запечатлена на фотографии Людвигом, а мать нет, потому что в то время в степи еще не было фотоаппаратов. Ты могла бы полюбоваться на ее красоту, – с сожалением сказал отец. – Мне немного грустно, как подумаю, сколько испытаний выпало на долю моей бабушки Айгуль. Она просила рассказывать эту историю детям и внукам как назидание о том, что существует в основном односторонняя, а не взаимная любовь.

– Теперь, кажется, я понимаю, почему нас так воспитывали! – с грустью отметила дочь. – Однако почему мама об этом ничего не говорила?

– Она, узнав о нашем фамильном позоре, пришла в ужас и посчитала, что вам лучше не знать об этом, хотя всегда помнила об этом при воспитании вас. Слава Аллаху, она ни разу не попрекнула меня тем, что я нечистокровный казах. За это я ей благодарен, – задумчиво ответил отец.

– Папа, я думаю, во многих семьях есть всякие примеси. И потом, это же жизнь, в ней и не такое бывает! Все мы разные, это видно невооруженным глазом. Если присмотреться даже к нашим сватам: у одних чувствуется африканская примесь, у других – кавказская, у третьих – таджикская, ну а о татарской и говорить не стоит! Понятие того, что мы все – казахи, гораздо важнее. Именно оно-то и объединяет нас всех. Не так ли?

Немного помолчав, Шолпан продолжила:

– Папа, а почему вы решились мне рассказать эту историю?

– Во-первых, ты по роду деятельности близка к истории, искусству. Твоя командировка в Чехословакию придала мне уверенность в том, что именно ты должна узнать об этом первой.

– Я и сейчас, глядя на вас папа, могу представить, какой красавицей была ваша мать!

– Да, это так, – задумчиво ответил отец. – Дочка, отчасти это наш позор, что мой дед обманул мою бабушку. Будь осторожна, не верь особо мужчинам.

– Это удивительная история папа, она меня так впечатлила, что теперь я не смогу успокоиться. Что было дальше? Расскажите о своей и маминой молодости.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.